

УДК 821.161.12

DOI: 10.17223/2312461X/34/10

ЗАБЫТЬ, ЧТОБЫ ВСПОМНИТЬ (ПАМЯТЬ О ПИОНЕРАХ-ГЕРОЯХ В XXI в.)*

Светлана Геннадьевна Маслинская

Аннотация. Культ пионеров-героев в позднесоветский период опирался как на литературные репрезентации героизма детей, так и на ритуальные практики коммеморации. После упразднения пионерской организации в 1991 г. культ подвергся серьезной трансформации: ритуальная поддержка была утрачена, текстовая пережила период забвения. Начиная с 2000-х гг. наблюдается возрождение культа детского героизма, проявленного во время Великой Отечественной войны. В отсутствие ритуальной поддержки единственной восстановленной формой культа является тиражирование биографий пионеров-героев в книжной продукции и сети Интернет. Представлены результаты исследования как современной книжной продукции о пионерах-героях, так и материалов, размещенных на сайтах различных институциональных и неинституциональных (ностальгических) сообществ. Книжные издания в подавляющем большинстве опираются на советскую литературную традицию изображения пионеров-героев, за редким исключением (Э. Веркин «Облачный полк») их авторы (В. Воскобойников, А. Печерская, О. Бойко) транслируют позднесоветское понимание детского героизма. В кратких редакциях биографий пионеров-героев, опубликованных на различных интернет-ресурсах и также восходящих к советскому времени, сохраняются стилистические черты, присущие первоисточникам. Утрата ритуального контекста ведет к трансформации поэтики текстов. Установка на достоверность изображаемого детского героизма в советской детской литературе и публицистике сменяется в современных биографических «мемах» на эпическую дистанцию. Официальный нарратив о пионерах-героях, сжатый до кратких редакций их биографий, и индивидуальную ретроспекцию в пионерское детство объединяет лиро-эпическая модальность, которая задает рамки памяти, превращающие пионеров-героев в персонажей баллад и эпических легенд.

Ключевые слова: пионеры-герои, память о войне, символическая политика, культурный ресайклинг, Э. Веркин

Герои и героизм являются важной частью современной российской символической политики. Дети-герои, прославившиеся участием в Великой Отечественной войне, долгое время оставались важнейшими символическими фигурами для послевоенной политики памяти о войне. В настоящее время их культ переживает если не ренессанс, то определенный подъем, связанный с легитимацией нынешней властью, которая использует этот культ в пропагандистских целях. Символическая поли-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 19-18-00414, «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы)»).

тика в первое двадцатилетие XXI в. в отношении детей заметно эволюционировала: от практически полного забвения и вытеснения пионеров-героев из публичного дискурса к возвращению. Важнейшую роль в смене вектора сыграла государственная политика в сфере военно-патриотического воспитания: если в 1990-е гг. патриотизм не был доминирующим концептом в организации воспитательной системы подрастающего поколения, то начиная с 2000-х гг. он им становится (см. специальные нормативные акты: «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях» (2000), государственную программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» и мн. др.). В последние годы «интерес к изучению истории России и формирование чувства уважения к прошлому нашей страны, ее героическим страницам, в том числе сохранение памяти о подвигах защитников Отечества» стал заметной частью патриотического воспитания молодежи (Патриотическое воспитание...).

Впрочем, разрыв в функционировании культа детей-героев, пришедшийся на 1990-е гг., и трансфигурация культовых практик привели к тому, что внимание к детям-героям проявляют не все агенты создания метанарратива о войне 1941–1945 гг., и устойчивость этого внимания тоже серьезно разнится.

От славы к забвению

Дети, совершившие героические поступки, в советское время именовались групповым термином *пионеры-герои* (каждый отдельный ребенок – *пионер-герой*). Содержание этих поступков находилось в прямой зависимости от меняющихся идеологических запросов и исторических обстоятельств: в начале 1930-х – борьба с кулаками, в середине 1930-х – борьба со шпионами, в 1940-е – борьба с фашистскими захватчиками¹ и т.д. Культ пионеров-героев был широко известен, поддерживался ритуальными практиками и различными средствами пропаганды. Эти средства были обращены как на взрослых, так и на детей. Пионерские отряды боролись за право носить имя героя, занимались поисковой деятельностью, чтобы восстановить обстоятельства жизни и смерти ребенка-героя, о пионерах-героях снимались фильмы и писались песни, в школах размещались стенды с изображениями наиболее известных пионеров-героев, их памяти посвящались торжественные сборы и «вахты у мемориалов» (комсомольские и пионерские почетные посты, приуроченные обычно ко Дню Победы). Еще одним каналом формирования и поддержания культа была художественная литература, адресованная детям и знакомящая их с подвигами юных героев.

Литература о пионерах-героях выходила как в специальных сериях, так и отдельными изданиями. Многие книги были заказаны известным советским литераторам и литературным функционерам (Виталий Губа-

рев, Лев Кассиль, Надежда Надеждина, Юрий Корольков, Антонина Голубева и др.), при этом немало книг было создано авторами, ничего другого практически не писавшими (Аэлита Гребенина, Людмила Козлова, Юрий Нечаев, Георгий Дубинский и мн. др.). Беллетризованные биографии пионеров-героев адресовались детям разного возраста: для читателей начальной школы выпускалась серия небольших по объему произведений в издательстве «Малыш» (Пионеры-герои 1967–1969), для тех, кто постарше, более объемные – в серии «Юные герои» издательства «Молодая гвардия» (напр., Луговой 1984; Надеждина 1985). Для среднего и старшего возраста печатались десятки жизнеописаний пионеров-героев как в отдельных изданиях, так и в сборниках. Книги о пионерах-героях выходили большими тиражами: например, выпуски серии «Пионеры-герои» вышли в 1974 г. тиражом 100 тыс. экз. каждый (Пионеры-герои 1974). Одновременно издавались краткие редакции жизнеописаний пионеров-героев, составленные методистами домов и дворцов пионеров для воспитательной работы с детьми, авторство этих брошюр не указывалось (Пионеры-герои 1982). Краткие редакции содержали основную информацию о подвиге пионера-героя и отдельные факты его биографии (место рождения, учебы, интересы). Такие редакции имели самое широкое распространение: печатались в виде буклетов с портретами героев, размещались на стендах в пионерских комнатах, вписывались детьми в так называемые пионерские дневники и пр. Таким образом, текстовая поддержка культа пионеров-героев была весьма разнообразной по жанрам, возрастной адресации и объему.

Однако с начала 1990-х гг., после упразднения пионерской организации в 1991 г., культ пионеров-героев подвергся ревизии. Прежде всего был пересмотрен состав пионеров-героев. Борцы с кулаками и шпионами, и в особенности пионер № 1 (под этим номером он вошел в «Книгу почета Всесоюзной пионерской организации») Павлик Морозов, были дискредитированы². Детей-героев Великой Отечественной войны эта кампания практически не коснулась³, хотя в начале 2000-х гг. было несколько заметных информационных поводов, подвергающих сомнению историчность пионеров-героев. Например, в 2001 г. в «Московском комсомольце» была опубликована статья с довольно провокационным названием «Пионер-герой оказался девочкой», в которой сообщалось, что фотообраз Лёни Голикова, создававшийся в 1958 г. спустя 15 лет после его гибели, недостоверный: в качестве модели выступила сестра героя (Гамаюн 2001); спустя три года заметка была републикована в том же издании, и в течение последующих 20 лет время от времени эта информация появляется в интернет-изданиях:

Как выяснилось, детских фотографий Леонида у его матери не сохранилось, поэтому, когда ему было присвоено звание Героя Советско-

го Союза, репортёры переодели в «партизана»... его младшую сестру, Лиду. Именно образ Лиды Голиковой стал «Лёней Голиковым» для миллионов советских пионеров (Сидорчик 2014).

В 2006 г. пионеров-героев объявили «диверсантами-карликами» – детьми, которые специально были подготовлены партией для организации подрывной деятельности на оккупированных территориях (Холодная 2006). Эта конспирологическая версия, к слову, оказалась востребована в искусстве: в 2009 г. на российские экраны вышел полнометражный мультфильм «Первый отряд» (режиссер Ёсихару Асино, сценаристы Михаил Шприц и Алексей Климов), в котором пионеры-герои являются членами диверсионной группы, состоящей из подростков и сформированной еще до начала войны. Фильм вызвал резко отрицательные отзывы у старшего поколения зрителей и положительные – у молодежи. Особенности такой рецепции этого аниме связаны с поколенческим и социально-культурным опытом зрителей (подробнее об этом см. (Маслинская 2011)). Поляризация зрителей свидетельствовала об имеющейся на тот момент у старшего поколения острой потребности воссоздать некогда единый непротиворечивый нарратив о пионерах-героях, разделяемый всеми, независимо от возраста. Важным свойством репрезентации этого нарратива в советское время была исключительно реалистическая форма письма (военно-историческая повесть), новые эстетические приемы (аниме) отпугнули старшее поколение, которое не было готово мириться с новациями в трансляции культа. Проявленный эстетический ригоризм сигнализировал о том, что культ пионеров-героев сохраняет высокий символический потенциал и стоит ожидать его репродуцирования в старых привычных формах. Что и произошло, несмотря на то что в течение 10 лет культ практически не поддерживался сверху (литература о пионерах-героях не издавалась, кинопродукция не выпускалась), а привычные коммеморативные практики не воспроизводились.

От забвения к припоминанию

Обеспокоенность старшего поколения, сопротивлявшегося уходу пионеров-героев из активной памяти взрослых россиян и подрастающего поколения, в сочетании с новой концепцией патриотического воспитания, которая начала внедряться государственными органами с 2001 г., дала определенные результаты – сейчас популяризация знаний о пионерах-героях в средствах массовой информации осуществляется в привычных старшему поколению нарративных формах. Прежде чем сосредоточиться на содержании и стилевых особенностях этого обновленного нарратива о пионерах-героях, стоит остановиться на этапах двадцатилетнего пути, которые демонстрируют его постепенную реставрацию.

Для первого десятилетия XXI в., когда распространение информации через сеть Интернет еще не было столь широким, носители культа остро нуждались в пропагандистской литературе. Среди них были представители не только старшего поколения, но и среднего – родители детей младшего и среднего школьного возраста. Среднее поколение воспитывалось на военно-исторической беллетристике о пионерах-героях в 1970–1980-е гг. Именно это поколение сформулировало запрос на возобновление «хорошо знакомых» изданий. Так, в ностальгическом сообществе «76_82» «Живого журнала» в 2011 г. было опубликовано объявление:

Ищу книги серии «Пионеры-герои». Помню из детства серию таких тонких книжек формата А4 с иллюстрациями для младшего школьного возраста. Зина Портнова, Марат Казей, Мяготин Коля... Было бы здорово, если бы кто-то отсканировал и выложил в сеть: хочу распечатать на цветном принтере, сверстать и читать своему сыну. Сейчас, к сожалению, такой литературы в продаже нет, а воспитывать ребенка на комиксах с человеком-пауком не хочется (Oslobyk).

Действительно, в 1990-е гг. и в самом начале 2000-х гг. советские книги о пионерах-героях не переиздавались, как и не создавались новые произведения. Отдельные публикации, посвященные малоизвестным детям-героям, выходили в периодических изданиях («Московский журнал», «Морской пехотинец»), в 2002 г. в издательстве газеты «Правда» вышли четыре книги о пионерах – героях Советского Союза (Андреев 2002; Борисов 2002; Леонтьев 2002; Сергеев 2002;). Тонкие брошюры, изданные на газетной бумаге, содержали плохо отредактированные биографические рассказы, авторы которых опирались на официальные советские биографии этих детей (так, Александр Сергеев в сокращенном виде перепечатывает повесть Бориса Костюковского «Нить Ариадны», опубликованную в 1975 г. (Костюковский 1975)).

С середины 2000-х гг. ситуация начинает принципиально меняться: в 2004 г. Алла Сухова издает книгу «о героических подвигах детей в годы Великой Отечественной войны» (Сухова 2004: 2); в 2004–2011 гг. шесть раз переиздается сборник рассказов о пионерах-героях «Дети – герои Великой Отечественной войны» под редакцией Анны Печерской (Печерская 2004)⁴. В нем девять рассказов о наиболее известных в советское время пионерах-героях. В 2011 г. выходит книга Александра Бондаренко «Юные герои Отечества» (Бондаренко 2011), ее содержание шире, чем в вышеупомянутом сборнике Печерской: она включает 33 рассказа о пионерах-героях. В нескольких вышедших в эти годы изданиях компилируются художественные произведения советских писателей о событиях военных лет (Михаил Зощенко «Храбрые дети», «Леночка»; Борис Дубровин «Восемнадцатилетний» и др.) и

«художественно-документальные» жизнеописания пионеров-героев (Юрий Корольков «Лёня Голиков», Вячеслав Морозов «Марат Казей», Григорий Набатов «Зина Портнова») (напр., (Рассказы... 2010)). Тиражи этих изданий невелики: от 2000 до 5000 экземпляров. Еще одним каналом распространения знания о пионерах-героях становятся детские журналы, впрочем, количество публикаций в них незначительно (Куличкин 2015; Клиентов 2018; Евсеев 2020; Кириллов 2020).

Содержательные и стилистические свойства публикуемых жизнеописаний пионеров-героев мало отличаются от тех, что можно обнаружить у их советских предшественников. Частью это дословное воспроизведение советских изданий биографий детей-героев⁵, частью переложения, близкие и по набору эпизодов, и по стилю изложения. Так, Валерий Воскобойников переставляет местами эпизоды в своем варианте жизнеописания Лёни Голикова (Рассказы... 2015). У Юрия Королькова, на которого опирается Воскобойников, повествование разворачивается в хронологической последовательности, тогда как Воскобойников начинает свой рассказ с эпизода захвата генерала и его чемодана с документами, а только затем обращается к изображению детства героя. При этом тексты очень близки. Сравним два отрывка в двух редакциях:

Эпизод 1: Лёня и отец

У Королькова:	У Воскобойникова:
<p>Но вот однажды, когда Лёнька был уже пионером, в семье Голиковых случилось несчастье. Отец провалился в холодную воду, простудился и тяжело заболел. Он пролежал в постели много месяцев, а когда встал, не мог уже работать плотовщиком. Позвал он Лёньку, посадил перед собой и сказал:</p> <p>– Вот что, Леонид, надо тебе семье помогать. Плох я стал, болезнь совсем замучила, иди на работу...</p> <p>И отец устроил его учеником на подъёмном кране, который грузил на реке дрова, брёвна (Корольков 1980: 6).</p>	<p>Размеренная жизнь оборвалась, когда Лёне было двенадцать лет. Отец тяжело заболел, едва поднимался с постели и однажды, серьезно смотря в глаза сыну, сказал:</p> <p>– Детство твое, Леонид, закончилось. Теперь ты будешь в семье главным кормильцем. – И устроил Лёню на сплавпункт помощником крановщика (Рассказы... 2015: 116–117).</p>

Эпизод 2: Лёня и генерал

У Королькова:	У Воскобойникова:
<p>Машина подошла к мостику, притормозила, и Лёнька, размахнувшись, бросил в неё гранату. Грохнул взрыв. Лёнька увидел, как из автомобиля выскочил гитлеровец в белом кителе с красным портфелем и автоматом. Лёнька выстрелил, но не попал. Фашист убежал. Лёнька погнался за ним.</p>	<p>Перед мостиком через лесную речушку машина притормозила, и как раз на этих словах из-за кучи камней, возвышающихся над канавой, показалась чья-то рука и швырнула в машину гранату. Раздался оглушительный взрыв, машина резко дернулась и встала.</p>

<p>Офицер оглянулся и увидел, что за ним бежит какой-то мальчишка. Совсем маленький. Если бы их поставить рядом, мальчишка едва бы достал ему до пояса. Офицер остановился и выстрелил. Мальчишка упал. Фашист побежал дальше (Корольков 1980: 23).</p>	<p>13 августа 1942 года фашистский генерал Рихард фон Вирц из последних сил убежал от русских партизан по большой поляне к лесу. Оглянувшись, он увидел невозможное: за ним с автоматом в руках вместо бородатых мужиков гнался мальчишка в потрепанной одежде. Приостановившись, генерал дважды выстрелил в него из пистолета, но мальчишка успел упасть на землю, и пули пролетели мимо (Рассказы... 2015: 110).</p>
---	--

В одном из интервью Валерий Воскобойников утверждает, что издательство «уговорило» его «преподнести эту тему по-новому». Писатель видит себя продолжателем литературной традиции изображения пионеров-героев: «...история этих рассказов началась в конце 1940-х годов. С тех пор стилистика и лексика сильно изменились, как и наши знания о подробностях тех событий». Он пишет, как и почему он «“подправил” эту историю» (Глезеров 2019: 5), стремясь отразить исторические факты: если у Королькова генерал Рихард фон Вирц был застрелен Лёней Голиковым, то у Воскобойникова генерал лишь притворился мертвым, что, по мнению современного автора, более соответствует исторической правде. «Бородатые мужики», «сплавпункт» и «помощник крановщика» – дань Воскобойникова современной лексике. Вопреки утверждениям писателя, сравнение текстов показывает, что речь идет лишь о незначительных, преимущественно стилистических изменениях.

Какие значимые различия в советских и в современных версиях жизнеописаний пионеров-героев можно обнаружить?

Во-первых, в современных редакциях значительно сокращены, если не сказать удалены, сцены насилия фашистов над детьми-героями. Например, в повести Василия Смирнова «Зина Портнова», опубликованной в 1980 г. в серии «Библиотека юного патриота. О Родине, подвигах, чести» (Смирнов 1980), фрагмент описания истязаний Зины Портновой изобилует натуралистическими подробностями:

...В начале января в полоцкой тюрьме стало известно, что юная партизанка приговорена к расстрелу.

Она знала, что утром ее расстреляют.

Вновь переведенная в одиночную камеру, свою последнюю ночь Зина провела в полузабытьи.

Она уже ничего не видит. У нее выколоты глаза... Фашистские изверги отрезали ей уши... У нее вывернуты руки, раздроблены пальцы... Неужели когда-нибудь придет конец ее мукам!.. Завтра все должно кончиться. И все же эти палачи ничего от нее не добились. Она давала клятву в верности Родине и сдержала ее. Она клялась мстить беспощад-

но врагу за то горе, которое он принес советским людям. И она отомстила как смогла.

Мысль о сестренке снова и снова заставляла трепетать ее сердце. «Милая Галочка! Ты осталась одна... Вспоминай меня, если останешься в живых... Мамочка, отец, помните свою Зину».

Слезы, смешиваясь с кровью, вытекали из изувеченных глаз – плакать Зина еще могла... (Смирнов 1980).

У Аллы Суховой истязания перечисляются списком: «Гитлеровцы пытали юную партизанку изощренно и жестоко. Зину избивали, загоняли под ногти иголки, жгли каленым железом» (Сухова 2004: 28). В публикации Валерия Воскобойникова есть указание, что Зину «допрашивали, жестоко пытая», а в версии Дмитрия Пронина коротко констатируется, что «девушку пытали» (Пронин 2017: 21). Справедливости ради надо признать, что и в книге Григория Набатова, которая неоднократно переиздавалась с 1967 г. и была адресована младшему школьному возрасту, пытки не описывались. Тем не менее общая тенденция заметна: в книгах, изданных в последнее двадцатилетие, авторы избегают изображать физическое насилие над детьми-героями. Не является исключением и недавнее издание 2020 г., в котором пытки только упоминаются: «больше месяца девушку жестоко пытали» (Бойко 2020: 31).

Второе, чего сторонятся современные популяризаторы подвигов детей-героев, это упоминания их членства в пионерской организации. В советских вариантах биографий пионеры-герои очень трепетно относятся к своему званию пионера и пионерскому галстуку как основному атрибуту. Так, Володя Дубинин постоянно носил пионерский галстук, снимая его только «тогда, когда бывал недоволен собой и не заканчивал начатое дело» (Кассиль, Поляновский 1980: 5). В версии Григория Набатова начальник гестапо капитан Краузе проверяет принадлежность Зины Портновой к Коммунистической партии и получает прямой ответ:

– Я уверен, Портнова, – зашептал он, – что ты не коммунист, не комсомолка.

– Ошибаетесь, господин палач! – впервые за всё время допросов выкрикнула Зина. – Я была пионеркой. Сейчас – комсомолка (Набатов 1979: 17).

Этот диалог выпал из вариантов биографии Аллы Суховой, Валерия Воскобойникова и Дмитрия Пронина, как и в целом слово «пионер». Оно не встречается ни разу в названных произведениях.

С одной стороны, это дань историческим фактам: мало кто из прославленных детей-героев был пионером, большинство из них в ходе войны вышли из пионерского возраста (верхняя граница членства в пи-

онерской организации была 14 лет) и либо вступили в комсомол, как Лёня Голиков и Зина Портнова, либо просто не были членами молодежной партийной организации. С другой стороны, вытеснение «пионерской символики» из детской литературы – характерное свойство современной литературной продукции для детей. Когда речь идет о символически нагруженных текстах, связанных с привитием патриотизма и памяти о Великой Отечественной войне, принадлежность героев к пионерской организации может оказаться нерелевантной воспитательным задачам.

Таким образом, произведения о юных защитниках Родины, которые издавались в первое двадцатилетие XXI в., по большей части повторяют советские версии биографий пионеров-героев. Имеющиеся отличия (отказ от изображения телесного насилия над детьми и отсутствие акцента на членстве героя в пионерской организации) демонстрируют современные тенденции в изображении детства в литературе патриотического толка. Среди создателей культа детей, отдавших жизнь в борьбе с фашистскими захватчиками, заметно стремление оградить 7–10-летних читателей от травмирующей информации (именно младшие школьники являются адресатами произведений Суховой и Воскобойникова). Охранительный дискурс сейчас в целом занимает довольно прочные позиции в дискуссиях о допустимости изображения насилия в детской литературе. Применительно к литературе о Великой Отечественной войне такая позиция приводит к сужению репертуара экспрессивных средств выразительности в произведениях. А вместе с этим снижается и эмоциональный отклик у читателей. Этот эффект, очевидно, соответствует задачам современных авторов, стремящихся скорее проинформировать юных читателей о существовании в XX в. детей-героев, чем сформировать эмоциональную сопричастность по отношению к ним, что было столь важно для советских текстов этого жанра. Так же значимо было и указание на членство в пионерской организации, которое в современных политических условиях выглядит излишней деталью, ничего не добавляющей к портрету ребенка-героя.

Право на забвение

Особое место в ряду разбираемых произведений о пионерах-героях занимает «Облачный полк» Эдуарда Веркина, изданный в 2012 г.⁶ В отличие от упомянутых выше рассказов, «Облачный полк» имеет жанровое определение – повесть. В этом жанре это единственное новое произведение о пионере-герое, изданное с середины 1980-х гг. Типологически «Облачный полк» соотносим с «Улицей младшего сына» Льва Кассиля и Макса Полиновского, «Партизанкой Ларой» Надежды Надеждиной и «Партизаном Лёней Голиковым» Юрия Королькова. С последней названной книгой эту повесть объединяет и главный герой.

Однако приемы изображения героя значительно отличаются от принятых в советской детской литературе. Новые способы создания образа пионера-героя кратко, но внятно представлены в небольшой критической статье Софьи Сапожниковой: овзреление героя (в повести Лёню зовут Санычем), дегероизация смерти, дискредитация его военной доблести и др. (Сапожникова 2013). Во многих чертах Эдуард Веркин повторил фронтовую лирическую повесть: лирическое повествование от первого лица, натурализм в изображении войны и смерти, включение дополнительных индивидуальных точек зрения на войну за счет имитации личной переписки (детские письма в сумке фашистского фотокорреспондента), смерть молодой женщины Али, любви которой ищет юноша Саныч. Веркин таким образом обращается к традициям лейтенантской прозы. Для советской детской литературы использование этих приемов было нехарактерно, при декларированной в 1960–1980-е установке на психологичность детской литературы в военной прозе для детей она практически не была реализована: дети-герои пионерских житий не знают страха, не испытывают душевного потрясения, убивая человека/фашиста/карателя/полицая, они не показаны в своих слабостях и пристрастиях. Те приемы изображения человека на войне, что были разработаны в лейтенантской прозе, в 1950–1980-е гг. не использовались при создании произведений о войне для детей. Повесть Эдуарда Веркина, таким образом, демонстрирует, как детская литература в стилистическом отношении «догоняет» взрослую.

Важной чертой повести Веркина является и ее композиция: повествование имеет рамочную структуру. Рассказчик вспоминает о том, как он был адъютантом у Лёни Голикова, и делится своими воспоминаниями с правнуком. Фигура «вспоминающего прадеда» крайне важна для создания нового нарратива о войне. К аналогичному приему обращался Альберт Лиханов в своем романе «Мой генерал», впервые опубликованном в 1975 г. и затем неоднократно переиздававшемся. Как указано в аннотации издания 2002 г.: «Главный герой книги – сибиряк Антошка, ученик четвертого класса, которого называли в честь деда. Мальчик очень дружит со своим дедом – боевым генералом, воевавшим в Великую Отечественную войну, учится у него добру, справедливости, умению сопротивляться жизненным невзгодам и быть настоящим человеком» (Лиханов 2002: 4). Идиллические отношения с дедом у Лиханова показаны в модели постфигуративной культуры: внук видит в деде непререкаемый авторитет во всех этических и мировоззренческих вопросах. Поэтому он перенимает дедовскую точку зрения на войну и победу без каких бы то ни было размышлений. Дед предлагает внуку официальную версию войны: победа в войне искупает жертвы, ей принесенные (и сам генерал, и искалеченный друг генерала – герои, других легитимных ролевых моделей у Лиханова нет). Перенимает внук и «ор-

ден Отечественной войны, потому что наследникам по закону оставляет только он, остальные сдаются государству» (Лиханов 2002: 134). Эмоциональная близость с дедом, идеальным наставником и товарищем, по Лиханову, становится залогом надежной трансмиссии памяти о войне.

Другая история у Веркина. Здесь, как и у Лиханова, прадед рассказывает правнуку о войне, но этот рассказчик – представитель младшего поколения воинов, он участвовал в войне подростком. Как пишет Софья Сапожникова, «Неслучайно его (Э. Веркина. – С.М.) рассказчик находит общий язык с обещанным гаджетами правнуком из XXI века, пропустив два ангажированных официальной версией войны поколения» (Сапожникова 2013). Казалось бы, этот прием подкрепляет достоверность нового рассказа, рассказа, лишенного официальных рамок, рассказа-исповеди. Однако нарратив о войне получается не таким стройным. Веркин показывает, что память изменяет рассказчику, который признается: «Мне все время что-то кажется, всю мою жизнь» (Веркин 2012: 28), размышляет, что память «работает до сих пор. Лет восемь назад работала» (Веркин 2012: 12). Забывать прадед научился еще на войне, он старательно вытеснил потрясение, пережитое в начале войны, когда у него на глазах во время бомбежки погибла сестра: «Я не помню и не хочу» (Веркин 2012: 219). Рассказчик – некогда ребенок-воин – отказывается помнить.

Но его правнук хочет знать о войне из первых уст. Вовка является инициатором разбора старья на антресолях, а потом и на чердаке. Выгребая старые вещи, он вынимает как бирюльки одну за другой вещи – зацепки памяти прадеда. Любовь правнука к «старинным вещам», как пишет Веркин, помогает выстроить диалог с прадедом. Правнук борется за материальное наследство (просит оставить старую папиросницу ему, а не другому правнуку Петьке, живо интересуется назначением разнообразного чердачного хлама), но речь идет не об орденах. Личные вещи ветерана – ремень и фотоаппарат – первый он купил после войны, второй сохранился с времен войны, иной природы, чем наградные медали и ордена. Вместе с вещами другого типа, иного символического качества, приходит и другая правда о войне. Вовка заявляет: «Вообще все вещи не надо выкидывать, они со временем только дорожают. Кроме того, старые вещи – это ведь память. Берешь какую-нибудь там ложку и вспоминаешь» (Веркин 2012: 24). Вспоминая о прошлом (не только военном), прадед сознательно привирает о возрасте вещей, об обстоятельствах их появления в его жизни. Рассказчик делает это, отдавая себе отчет в том, что вводит правнука в заблуждение. Такой тип повествователя сходен с «ненадежным рассказчиком» (Booth 1961) – читатель не может доверять ему ни в большом, ни в малом. И именно этот рассказчик, обращаясь к глубинной интроспекции, начинает вспоминать о Герое Советского Союза Леониде Голикове.

Более того, ненадежность человеческой памяти осложняется и «критикой источников», прежде всего визуальных. В повести несколько раз показана ситуация фотографирования: в противогазе на чердаке фотографируется правнук Вовка; военный корреспондент приезжает в партизанский отряд, чтобы сфотографировать Саныча; после войны писатель, создающий официальную биографию Лёни Голикова, фотографирует сестру Лёни Голикова (об этом эпизоде речь шла выше, Веркин прямо использует его в своем тексте). Во всех этих случаях достоверность изображения подвергается дискредитации⁷. Вовка в противогазе заявляет: «Я потом фоном биохазард прифотошоплю» (Веркин 2012: 22). Эпизод с фотографированием Саныча содержит ироническую рефлексию прославленного пионера-героя о достоверности фотоизображения:

– ...А там тебя корреспондент, между прочим, ищет. Фотографировать хочет. Ковалец кивнул в сторону штаба.

– Пусть вон Митьку сфотографирует, – Саныч ткнул меня в бок.

– Зачем? – не понял Ковалец. – Герой-то у нас ты. Вот когда он героем станет, то и его сфотографируют.

Ковалец подмигнул мне.

– А какая разница? – пожал плечами Саныч. – Все равно никто ведь не знает, как я выгляжу.

– Как это какая разница?! Это же документ эпохи! В штабе не дураки сидят, сказано сняться так и иди, снимайся!

– А давай ты за меня сфотографируешься, – предложил Саныч. – А что? Ты же, наверное, тоже готовился. Сапоги, гляжу, почистил, прическу причесал. Вот и давай, разрешаю. Я не обижусь, честное слово!

Ковалец начал злиться. Он быстро злиться начинает, раньше работал плотогоном, любит поорать, умеет, а матерится так, что неосторожные комары замертво падают еще на полете. Только на Саныча ори не ори, матерись не матерись, его не пробить, он как трактор, как танк даже, знай, зевает.

– Разве это важно, кто на карточке будет? Главное, чтобы люди смотрели и говорили – от он, герой! Мужественный человек... (Веркин 2012: 47).

В повести Веркина, таким образом, оказываются дискредитированы не только воспоминания очевидцев, к которым принято апеллировать в современной историографии Великой Отечественной войны, но и «документы эпохи». Вслед за этим становится очевидно, что недостоверен и любой документ о прошлом – фото, письмо, дневник. Проблематизируется не только достоверность тех или иных источников, но и полнота исторической памяти. Уничтожение фактов о войне подается как право на забвение, которым обладают пережившие войну: Саныч уничтожает фотографии, найденные в сумке фашистского корреспондента, затем

засвечивает пленку в фотоаппарате фашиста, его адъютант пытается остановить его: «Это ведь не просто фотографии, это свидетельства. Документы эпохи, может, это следует сохранить, чтобы потом не говорили, что этого не было...» (Веркин 2012: 221). Однако Саныч сознательно предает забвению зафиксированные факты, вычеркивает их из истории.

То, что настоящее не поддается фиксации, – важнейший лейтмотив повести. Веркин дискредитирует вообще возможность референции: настоящей правды о войне не то что не узнать, ее нет как таковой. Любая фиксация искажает. Такой исторический релятивизм – характерная черта современной литературы о прошлом («все могло быть иначе»), особенно для жанра альтернативной истории. Вовка, рассуждая о засвеченной пленке военных лет, говорит прадеду: «Правильно, чтоохранишь, – кивает Вовка. – Сегодня нельзя проявить, а завтра можно будет, техника ведь на месте не стоит. Придумают новый сканер, глядишь, и увидим» (Веркин 2012: 24). Этот оптимизм не разделяет ни рассказчик, ни автор. Прошлое ускользает не потому, что стирается из памяти или истлевает в документах, а потому что нет онтологической возможности реконструировать его как событие.

Репликация мифа

Проблематика памяти, заявленная в повести Веркина, не получила развития в современной детской литературе. За редкими исключениями⁸ в ней продолжилась репликация советских биографий. Новой площадкой для трансляции официального нарратива о детях-героях стала сеть Интернет. Если обратиться к анализу электронных публикаций их жизнеописаний, то можно обнаружить ряд примечательных особенностей, для описания которых более всего подходят метафоры ресайклинга и гальванизации.

При сборе репрезентаций пионеров-героев за последнее десятилетие в сети Интернет, мною учитывался характер источника: библиотечный сайт, электронное СМИ, музейный сайт, сайт Дома творчества юных, ностальгическое сообщество и др. Собранные мною биографические тексты (219 кратких редакций) представляют собой где-то точные перепечатки советских кратких редакций жизнеописаний пионеров-героев, где-то их исправленные и дополненные версии⁹. Как правило, это подборки коротких текстов о детях-героях, собранные под одним заглавием, например, «Дети – Герои Великой Отечественной войны 1941–1945 и их подвиги», «Семь самых известных пионеров-героев», «Юные герои Великой Отечественной войны и их подвиги», «Дети герои и их подвиги», «Семь известных пионеров-героев Второй мировой войны», «Большой подвиг маленьких героев», «Маленькие герои боль-

шой войны», «Мужали мальчишки в бою», «Твои ровесники сражались», «Наше детство огнём опалила война», «Война прошла по детским судьбам», «Дети войны: истории маленьких героев», «Дети – герои войны. Знаем. Помним», «Юные герои Великой Победы». В эти подборки входят 5–10 текстов. Самыми популярными персонажами новейших интернет-мартирологов являются широко известные в советское время Лёня Голиков, Марат Казей, Зина Портнова. Они героически погибли, им посмертно было присвоено звание Героев Советского Союза. Их широкая в советское время известность способствовала тому, что при возвращении культа именно их биографии становятся наиболее популярными среди составителей новейших интернет-мартирологов.

Так, например, на сайтах различных общественных групп и культурных учреждений можно встретить практически идентичные краткие биографии Лёни Голикова, восходящие к советским брошюрам 1970–1980-х гг.:

Он рос обыкновенным деревенским парнишкой. Когда немецкие захватчики заняли его родную деревню Лукино, что в Ленинградской области, Лёня собрал на местах боев несколько винтовок, раздобыл у фашистов два мешка гранат, чтобы передать их партизанам. И сам остался в партизанском отряде. Воевал наравне со взрослыми. В свои 10 с небольшим лет Лёня в боях с оккупантами лично уничтожил 78 немецких солдат и офицеров, подорвал 9 автомашин с боеприпасами. Он участвовал в 27 боевых операциях, взрыве 2 железнодорожных и 12 шоссежных мостов. 15 августа 1942 г. юный партизан взорвал немецкую легковую машину, в которой находился важный гитлеровский генерал. Погиб Лёня Голиков весной 1943 г. в неравном бою. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза (Зажигаем звезды).

Такую биографию разместил у себя на сайте Центр развития творчества детей и юношества (Камчатский край). Как видно, особое внимание составители этого текста уделили количеству уничтоженных врагов и единиц техники. Напротив, интернет-газета БЕЗФОРМАТА придает подвигам Лёни Голикова эпический размах и акцентирует внимание на конкретном эпизоде схватки с врагом:

Рос в деревне Лукино, на берегу реки Поло, что впадает в легендарное Ильмень-озеро. Когда его родное село захватил враг, мальчик ушел к партизанам. Не раз он ходил в разведку, приносил важные сведения в партизанский отряд. И летели под откос вражеские поезда, машины, рушились мосты, горели вражеские склады... Был в его жизни бой, который Лёня вел один на один с фашистским генералом. Граната, брошенная мальчиком, подбила машину. Из нее выбрался гитлеровец с портфелем в руках и, отстреливаясь, бросился бежать. Лёня – за ним.

Почти километр преследовал он врага и, наконец, убил его. В портфеле оказались очень важные документы. Штаб партизан немедленно переправил их самолетом в Москву. Немало было еще боев в его недолгой жизни! И ни разу не дрогнул юный герой, сражавшийся плечом к плечу со взрослыми. Он погиб под селом Острая Лука зимой 1943 года, когда особенно лютовал враг, почувствовав, что горит под ногами у него земля, что не будет ему пощады... 2 апреля 1944 года был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении пионеру-партизану Лёне Голикову звания Героя Советского Союза (БЕЗФОРМАТА).

Ностальгический сайт «Назад в прошлое» повествует о Лёне Голикове в гораздо более лирической манере, подчеркивает преждевременность гибели героя и агрессивность врага:

Леонид Голиков очень любил свою родную деревню Лукино в Псковской области. После прихода немцев Лёня стал партизаном. Мальчик ходил в разведку, принимал участие в диверсиях, взрывая мосты, эшелоны, железнодорожные пути. В одной из схваток Лёня гранатой подбил автомобиль, в котором был немецкий генерал с важными документами. Почти километр мальчик преследовал отстреливавшегося фашиста, пока не настиг его. Портфель с документами был немедленно отправлен самолетом в Москву. Пионер Лёня Голиков немало повоювал за свою короткую жизнь. Погиб он в 1943 году в бою под селом Острая, в тяжелые дни, когда захватчики особенно лютовали перед уходом с русской земли. Посмертно пионеру Лёне Голикову присвоили звание Героя Советского Союза. И это только часть героев. На долю таких обыкновенных до войны мальчиков и девочек выпало много тяжелых испытаний. Многие из них так и не возмужали, не встретили свою первую любовь, не стали матерями и отцами и не вырастили своих детей. Они навсегда остались юными. Какие бы перемены не совершались в нашей стране, как бы не менялась наша жизнь – нельзя забывать необыкновенных мальчишек и девчонок, спасавших свою страну (Назад в прошлое).

Приведенные примеры демонстрируют, что сайты СМИ в большей степени ориентируются на событийный приключенческий нарратив, а сайты ностальгических сообществ размещают лирические баллады о безвременно ушедших детях-героях. При этом в целом документально-регистрационная модальность встречается гораздо реже лиро-эпической. Именно последняя и была характерна для советского повествования о детях-героях. Лириэпика советского героического нарратива сочетала в себе изображение достоверных событий военной истории с эмоциональной оценкой происходящего.

Результаты статистического анализа содержания 219 современных кратких биографий обнаруживают ту же тенденцию. В биографиях, опубликованных на ностальгических сайтах¹⁰, заметно преобладают слова *ребенок*, *мальчик* и *подросток*. Так, последнее встречается в 6 раз

чаще¹¹, чем в биографиях, размещенных на институциональных ресурсах (музейные и библиотечные сайты, сайты детских образовательных и творческих учреждений)¹². Напротив, в публикациях на сайтах различных учреждений шире представлены лексемы, связанные с темой подвига и героизма, членства в пионерской организации: *пионер, герой, солдат, боец, бой, немец, отряд*. Для этой группы источников характерна и тема увековечивания памяти: речь идет о назывании улиц в честь героев.

Подобное расхождение в употреблении лексем может быть объяснено стремлением участников ностальгических сообществ избегать идеологизированной и одновременно анахронистической лексики. Можно допустить, что журналисты и чиновники образования, в свою очередь склонны попросту копировать советские биографии, именно поэтому их лексический состав больше согласуется с прежними риторическими стандартами. Реплицирование формульной речи советского героического нарратива может восприниматься «копирастерами» как более верное именно в силу своей архаичности, близости исходным образцам. Однако для тех, кто склонен ностальгировать о «героях былых времен», выхолощенный формульный язык плаката уже утратил свою пропагандистскую силу, и его обновление идет по пути снятия идеологически маркированной лексики и усиления лирического начала.

Так или иначе, стилистика современного нарратива о пионерах-героях складывается из сочетания героических и лирических элементов, проявленность которых зависит от типа источника, но общая диффузия тех и других элементов в целом придает современным версиям биографий пионеров-героев лиро-эпическую модальность.

Заключение

Детский героизм – пропагандистский материал, разнообразно применявшийся в формировании ценностной системы советского человека. Пропагандисты и ностальгирующие по стране, за которую готовы были погибнуть даже дети, возвращаются к привычному материалу после десятилетнего перерыва 1990-х гг. И в официальных интернет-изданиях, и в печатной продукции, адресованной детям, подчеркивается, что во время Великой Отечественной войны «тысячи мальчиков и девочек встали на защиту Родины, делая порой то, что было не под силу даже их старшим товарищам» (Бойко 2020: 2). В то же время взрослые, объединенные памятью о пионерах-героях, в своих попытках законсервировать знание о них, действуют исходя из разных мотивов. Если для одних взрослых пионеры-герои – часть повседневности детства (с ее пионерскими линейками и кострами) и, соответственно, памяти о детстве (а не о войне)¹³, то для других (педагогов и музейных работников) пионеры-

герои – материал для патриотического воспитания, в своих функциональных свойствах такой же, как герои Ледового побоища и Бородинского сражения.

Впрочем, современный ритуальный контекст этого материала совсем иной. Культурные практики, утраченные в 1990-е гг., не восстановлены в прежнем масштабе – нет регулярного ритуального оформления культа: борьбы за присвоение пионерскому отряду имени героя, школьных поездок к местам памяти пионеров-героев, «вахт памяти», трудовых рейдов, посвященных памяти пионеров-героев, театрализованных конкурсов и прочих форм, получивших в одной из педагогических диссертаций определение – «длительное воспитание на примере героя» (Пионова 1970: 17). В позднесоветский период в методических пособиях ритуальные практики расписывались поэтапно (Рекомендации... 1977), сейчас сопоставимых методических материалов нет, как нет в том же масштабе и самих практик. Сохраняется только ежегодная календарная приуроченность отдельных мнемонических приемов («уроки памяти», стенгазеты и пр.) к майским торжествам с использованием формульных, высоко клишированных текстов. Календарной приуроченности, равно как и тиражирования кратких биографий, иллюстрированных портретами пионеров-героев, в сети Интернет, по-видимому, недостаточно, чтобы культ вновь охватил широкие массы наших младших современников. Педагоги пытаются преодолеть фрагментарность «мем-трансляции» биографий пионеров-героев простейшими мнемоническими приемами (сеть Интернет полна тестов на знание имен пионеров-героев и их подвигов), но зубрежка не может обеспечить устойчивость памяти о детях-героях.

Трансляция знания о пионерах-героях осуществляется преимущественно за счет перепечатки или переработки советских биографий пионеров-героев (Воскобойников, Пронин, Печерская и др.). На рубеже первого десятилетия XXI в. было как минимум две попытки неортодоксального прочтения героического нарратива о пионерах-героях (Эдуард Веркин «Облачный полк» и анимэ «Первый отряд»), затем (в условиях расширения доступности сети Интернет) стало заметным стремление к репликации биографий пионеров-героев практически в первозданном виде. У создателей неканонических версий этих биографий не было последователей, напротив – количественное масштабирование позднесоветских литературных репрезентаций продолжает увеличиваться за счет тиражирования в Сети их кратких редакций.

Утрата ритуального контекста ведет к трансформации поэтики текстов. Установка на достоверность изображаемого детского героизма в советской детской литературе и публицистике сменяется на эпическую дистанцию в современных биографических «мемах». Способствует созданию дистанции и то, что современные авторы избегают использовать суггестивные приемы изображения мук и гибели пионеров-героев.

В целом официальный нарратив о пионерах-героях, сжатый до кратких редакций их биографий, и индивидуальную ретроспекцию в пионерское детство объединяет лиро-эпическая модальность, которая задает рамки памяти, превращающие пионеров-героев в персонажей баллад и преданий, сближая их с Ильей Муромцем, Иваном Сусаниным и другими легендарными защитниками земли русской.

Примечания

¹ Более подробно об эволюции пропаганды подвигов пионеров-героев см. (Леонтьева 2005; Maslinskaya 2020).

² Вышел ряд громких разоблачительных журналистских материалов, наиболее заметной была книга Ю. Дружникова «Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова» (Дружников 1988).

³ За границами нашего исследования оставлены взрослые пародии и другие переработки произведений о пионерах-героях, адресованные взрослым, такие как набор «прото-мемов» студии Артемия Лебедева, вышедших в 2002 г. и состоящих из узнаваемых иллюстраций к биографиям пионеров-героев и краткими пародийными подписями – переработками текстов (Пионеры-герои 2002).

⁴ Этот же сборник вышел под названием «Юные герои Великой Отечественной войны» в 2015 г. и по-прежнему переиздается.

⁵ В отдельных случаях речь может идти о плагиате, как в случае с книгами Анны Печерской, которая перепечатывает под своим именем тексты Юрия Королькова и др.

⁶ Переиздан в 2014 г.

⁷ Ср. сходные наблюдения Т.В. Зверевой в статье (Зверева 2016).

⁸ К таким исключениям стоит отнести сборник рассказов о ленинградских детях, живших в городе во время блокады или погибших, защищая подступы к Ленинграду (Кудрявцева 2015). Впрочем, это по большей части рассказы о «фрядовых» детях, никогда не имевших опубликованной героической биографии. Повествование Татьяны Кудрявцевой лишено патриотического начетничества, показывает различные модели не героического, но деятельного поведения на войне.

⁹ См., напр., масштабную энциклопедию «Дети-герои» (<https://www.deti-geroi.ru/deti.php>), инициированную в 2014 г. и постоянно пополняющуюся, которая содержит сотни имен детей-героев советского периода истории России.

¹⁰ Имеются в виду сайты, форумы, где пользователи сети Интернет общаются по поводу советского прошлого, например сайт ностальгического сообщества «Назад в СССР» (<https://back-in-ussr.com/2017/04/sem-samyh-izvestnyh-pionerov-geroev.html>).

¹¹ Три вхождения на 1 тыс. слов и в институциональных источниках – 0,5 вхождений на 1 тыс. слов. Слово «ребенок» встречается в 3 раза чаще, а мальчик – почти в 2,5 раза.

¹² Поскольку части собранного корпуса биографий неравного размера (институциональные источники – 50 (6 173 слова), ностальгические – 78 (10 378 слов)), я сравниваю не количество словоупотреблений, а нормализованную частотность употреблений лексем на тысячу слов.

¹³ Показателен фильм для взрослого зрителя «Пионеры-герои» (2015, реж. Н. Кудряшова), подвергающий рефлексии воспитательные следствия пропаганды героизма в позднем СССР.

Источники

Андреев Б. Валя Котик. М.: ЗАО «Газ. «Правда»», 2002.

BEZФОРМАТА. URL: <https://voronej.bezformata.com/listnews/bolshoj-podvig-malenkih-geroev/31217193>

- Бойко О. Пионеры-герои. Ростов н/Д: Проф-пресс, 2020.
- Бондаренко А.Ю. Юные герои Отечества. М.: Кучково поле, 2011.
- Борисов Л. Лёня Голиков. М.: ЗАО «Газ. «Правда»», 2002.
- Веркин Э. Облачный полк. М.: КомпасГид, 2012.
- Гамаюн Е. Пионер-герой оказался девочкой // Московский комсомолец. № 1128. 2001. 5 апреля. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2004/06/15/110901-pionergeroy-okazalsya-devochkoy.html>
- Глезеров С. Пионеры-герои: переписывая заново // Санкт-Петербургские ведомости. 2019. 13 июня.
- Евсеев В. Невидимый фронт: как дети-партизаны приближали Победу // Маруся. 2020. № 4. С. 62–63.
- Зажигаем звезды. URL: <https://vilcrtdu.edusite.ru/p20aa1.html>
- Кассиль Л., Поляновский М. Володя Дубинин. М.: Малыш, 1980.
- Кириллов Л. Навсегда юные // Веселые картинки о природе. Филя. 2020. № 2. С. 2–3.
- Клиентов А. Юные герои // Детская энциклопедия АиФ. 2018. № 4. С. 1–56.
- Корольков Ю. Лёня Голиков. М.: Малыш, 1980.
- Костюковский Б. Нить Ариадны. М.: Молодая гвардия, 1975.
- Куличкин С. Подвиг юных // Детская Роман-газета. 2015. № 5. С. 32–35.
- Леонтьев А. Зина Портнова. М.: ЗАО «Газ. «Правда»», 2002.
- Лиханов А. Мой генерал. М.: Астрель; АСТ, 2002.
- Луговой Н. Опаленное детство. М.: Молодая гвардия, 1984.
- Набатов Г. Зина Портнова. М.: Малыш, 1979.
- Надеждина Н. Партизанка Лара. М.: Молодая гвардия, 1985.
- Назад в прошлое. URL: http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/student_works/nazimova/pioners.html
- Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 год. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>
- Печерская А.Н. Дети – герои Великой Отечественной войны. М.: Дрофа-Плюс, 2004.
- Пионеры-герои: Альбом-выставка. М.: Малыш, 1967–1969.
- Пионеры-герои. Альбом-выставка: для младшего школьного возраста. М.: Малыш, 1974.
- Пионеры-герои: учебное пособие. М., 1982.
- Пионеры герои. 2002. URL: <https://www.tema.ru/gtg/pionery>
- Пионова Р.С. Формы и методы работы пионерской организации по патриотическому воспитанию на боевых традициях советского народа (на опыте школ Белорусской ССР): дис. ... канд. пед. наук. Минск, 1970.
- Рассказы о юных героях / сост. Р. Данкова. М.: Оникс, 2010.
- Рассказы о юных героях. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2015.
- Рекомендации по работе пионерских дружин и отрядов над именем героя. Таллин, 1977.
- Сергеев А. Марат Казей. М.: ЗАО «Газ. «Правда»», 2002.
- Сидорчик А. Герой, но не пионер. Реальная и мифическая истории Лёни Голикова // Аргументы и факты. 24.03.2014. URL: https://aif.ru/society/history/geroy_no_ne_pioner_realnaya_i_mificheskaya_istorii_leti_golikova
- Смирнов В.И. Зина Портнова. М.: Воениздат, 1980.
- Сухова А. Дети войны. М.: Звонница-МГ, 2004.
- Холодная Л. Пионеры-герои // Проза ру. 26.08.2006. URL: <https://proza.ru/diary/namlet/2006-08-26>
- Юта Бондаровская // Наш Филиппок. 2016. № 3. С. 12–15.
- Oslobyk. Ищу книги серии «Пионеры-герои» // Livejournal.com. URL: <https://76-82.livejournal.com/4962414.html>

Литература

- Дружников Ю. Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. London: Overseas Publications Ltd., 1988.
- Зверева Т.В. «Облачный полк» Эдуарда Веркина: между фотографией и картиной // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2016. № 3. С. 216–222.
- Леонтьева С.Г. Жизнеописание пионера-героя: текстовая традиция и ритуальный контекст // Современная российская мифология. М.: РГГУ, 2005. С. 89–123.
- Маслинская С.Г. «Жизнь после смерти»: пионеры-герои в современной мультипликации // Конструируя детское: филология, история, антропология / под ред. М.Р. Балиной, В.Г. Безрогова, С.Г. Маслинской, К.А. Маслинского, М.В. Тендряковой, С. Шеридана. М.: Азимут; Нестор-История, 2011. С. 254–265.
- Сапожникова С. «Облачный полк» // Стенгазета. 26.03.2013. URL: <https://stengazeta.net/?p=10009073>
- Booth W.C. The rhetoric of fiction. University of Chicago Press, 1961.
- Maslinskaya S. A Child Hero: Heroic Biographies in Children's Literature // The Brill Companion to Soviet Children's Literature and Film. Vol. 2 / ed. Olga Voronina. Leiden; Boston: Brill, 2020. Pp. 250–302.

Статья поступила в редакцию 3 августа 2021 г.

To forget to remember (memory of pioneer-heroes in the 21st century)

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/34/10

Svetlana G. Maslinskaya, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences; Joint Department of the Pushkin House at the HSE University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: braunknopf@gmail.com

The research was supported by the Russian Science Foundation's project No 19-18-00414.

Abstract. The cult of pioneer heroes in the late Soviet period relied on both literary representations of children's heroism and the ritual practices of commemoration. After the abolition of the pioneer organization in 1991, the cult underwent a serious transformation: ritual support was lost, textual support went through a period of oblivion. Since the 2000s, there has been a revival of the cult of children heroes of the Great Patriotic War. In the absence of ritual support, the only restored form of the cult is the reproduction of the biographies of pioneer heroes in books and on the Internet. The article presents the results of a study of modern book products about pioneer heroes and materials posted on the websites of various institutional and non-institutional (nostalgic) communities. The overwhelming majority of book publications rely on the Soviet literary tradition of portraying pioneer heroes. With rare exceptions (E. Verkin "The Cloud Regiment"), their authors (Valery Voskoboinikov, Anna Pecherskaya, Oleg Boyko) replicate the late Soviet understanding of children's heroism. Short editions of the biographies of the pioneer heroes published on various Internet resources also preserve the stylistic features inherent in the original sources of the Soviet era. The loss of the ritual context leads to the transformation of the poetic devices used in the biographies. The focus on the authenticity of child heroism portrayed in Soviet children's literature and journalism is replaced in contemporary biographical "memes" by an epic distance. The official narrative of the pioneer heroes, condensed into short editions of their biographies, and the individual flashback into pioneer childhood are united by the lyrical and epic modality that sets the memory framework that transforms pioneer heroes into characters of ballads and epic legends.

Keywords: pioneer-heroes, memory of the Great Patriotic War, symbolic politics, cultural recycling, Eduard Verkin

References

- Andreev B. *Valia Kotik*. Moscow: ZAO «Gaz. "Pravda"», 2002.
- BEZFORMATA. Available at: <https://voronej.bezformata.com/listnews/bolshoj-podvig-malenkih-geroev/31217193>
- Boiko O. *Pionery-geroi* [Pioneer Heroes]. Rostov-na-Donu: Izdatel'skii dom «Prof-press», 2020.
- Bondarenko A.Iu. *Iunye geroi Otechestva* [Young Heroes of the Motherland]. Moscow: Kuchkovo pole, 2011.
- Borisov L. *Lenia Golikov*. Moscow: ZAO «Gaz. "Pravda"», 2002.
- Verkin E. *Oblachnyi polk* [The Cloud Regiment]. Moscow: KompasGid, 2012.
- Gamaiun E. Pioner-geroi okazalsia devochkoi [The Pioneer Hero Turned Out to be a Girl], *Moskovskii komsomolets*. № 1128. 5 April 2001. Available at: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2004/06/15/110901-pionergeroy-okazalsya-devochkoy.html>
- Glezerov S. Pionery-geroi: perepisyvaia zanovo [Pioneer Heroes: Rewriting the Story], *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 13 iunია 2019.
- Evseev V. Nevidimyi front: kak deti-partizany priblizhali Pobedu [Invisible Front: How Partisan Children Brought Victory Closer], *Marusia*. 2020. № 4. S. 62–63.
- Zazhigaem zvezdy* [Lighting up the stars]. Available at: <https://vilcrtdu.edusite.ru/p20aa1.html>
- Kassil' L., Polianovskii M *Volodia Dubinin*. Moscow: Malysh, 1980.
- Kirillov L. Navsegda iunye [Forever Young], *Veselye kartinki o prirode. Filia*. 2020, no. 2, pp. 2–3.
- Klientov A. Iunye geroi [Young Heroes], *Detskaia entsiklopediia AiF*, 2018, no. 4, pp. 1–56.
- Korol'kov Iu. *Lenia Golikov*. Moscow: Malysh, 1980.
- Kostiukovskii B. *Nit' Ariadny* [Ariadne's Thread]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1975.
- Kulichkin S. Podvig iunykh [Feat of the young], *Detskaia Roman-gazeta*, 2015, no. 5, pp. 32–35.
- Leont'ev A. *Zina Portnova*. Moscow: ZAO "Gaz. "Pravda", 2002.
- Likhanov A. *Moi general* [My General]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo Astrel»; OOO «Izdatel'stvo AST», 2002.
- Lugovoi N. *Opalennoe detstvo* [Scorched Childhood]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1984.
- Nabatov G. *Zina Portnova*. Moscow: Malysh, 1979.
- Nadezhkina N. *Partizanka Lara* [Partisan Lara]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1985.
- Nazad v proshloe* [Back to the Past]. Available at: http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/student_works/nazimova/pioners.html
- Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiiskoi Federatsii na 2016–2020 god* [Patriotic Education of the Citizens of the Russian Federation for 2016–2020]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkhH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>
- Pecherskaia A.N. *Deti-geroi Velikoi Otechestvennoi voiny* [Children Heroes of the Great Patriotic War]. Moscow: Drofa-Plius, 2004.
- Pionery-geroi: Al'bom-vystavka* [Pioneer Heroes: Exhibition Album]. Moscow: Malysh, 1967–1969.
- Pionery-geroi. Al'bom-vystavka: Dlia ml. shkol'nogo vozrasta* [Pioneer Heroes: Exhibition Album For Primary Schoolers]. Moscow: Malysh, 1974.
- Pionery-geroi. Uchebnoe posobie* [Pioneer Heroes: A Schoolbook]. Moscow, 1982.
- Pionery geroi* [Pioneer Heroes]. 2002. URL: <https://www.tema.ru/trr/pionery>
- Pionova R.S. *Formy i metody raboty pionerskoi organizatsii po patrioticheskomu vospitaniiu na boevykh traditsiiakh sovetskogo naroda (na opyte shkol Belorusskoi SSR)*. diss. ... kand. ped. nauk [Forms and methods of work of the pioneer organization for patriotic education on the battle traditions of the Soviet people (on the experience of schools of the Belarusian SSR). diss. Candidate of pedagogical sciences]. Minsk, 1970.
- Rasskazy o iunykh heroikh* [Stories About Young Heroes]. Compiled by R. Dankova. Moscow: Oniks, 2010.

- Rasskazy o iunykh geroiakh [Stories About Young Heroes]. Moscow: Makhaon, Azbuka-Attikus, 2015.
- Rekomendatsii po rabote pionerskikh druzhin i otriadov nad imenem gerioia [Recommendations for the Work of Pioneer Squads and Detachments on the Name of the Hero]. Tallin, 1977.
- Sergeev A. *Marat Kazei*. Moscow: ZAO «Gaz. "Pravda"», 2002.
- Sidorchik A. Gerioi, no ne pioner. Real'naia i mificheskaia istorii Leni Golikova [A hero, but not a pioneer. The Real and Mythical Stories of Lenya Golikova], *Argumenty i fakty*. 24.03.2014. Available at: https://aif.ru/society/history/geroy_no_ne_pioner_realnaya_i_mificheskaya_istorii_leni_golikova
- Smirnov V.I. *Zina Portnova*. Moscow: Voenizdat, 1980.
- Sukhova A. *Deti voiny* [Children of War]. Moscow: Zvonitsa-MG, 2004.
- Kholodnaia Liza *Pionery-geroi* [Kholodnaia Liza. Pioneer Heroes], *Proza ru*. 26.08.2006. Available at: <https://proza.ru/diary/namlet/2006-08-26>
- Iuta Bondarovskaia, *Nash Filippok*, 2016, no. 3, pp. 12–15.
- Oslobyk 2011. Oslobyk Ishchu knigi serii “Pionery-geroi” [Looking for the Book Series “Pioneer Heroes”]. *Livejournal.com*. Available at: <https://76-82.livejournal.com/4962414.html>
- Druzhnikov Iu. *Donoschik 001, ili Voznesenie Pavlika Morozova* [Snitch 001, or the Ascension of Pavlik Morozov]. London: Overseas Publications Ltd., 1988.
- Zvereva T.V. “Oblachnyi polk” Eduarda Verkina: mezhdu fotografiei i kartinoi [“The Cloudy Regiment” of Eduard Verkin: Between the Photo and the Picture], *Ural'skii filologicheskii vestnik*. Serii: Russkaia literatura XX–XXI vekov: napravleniia i techeniia, 2016, no. 3, pp. 216–222.
- Leont'eva S.G. Zhizneopisanie pionera-gerioia: tekstovaia traditsiia i ritual'nyi kontekst [The Life of a Hero Pioneer: Textual Tradition and Ritual Context]. In: *Sovremennaia rossiiskaia mifologiiia* [Modern Russian Mythology]. Moscow: RGGU, 2005, pp. 89–123.
- Maslinskaia S.G. “Zhizn' posle smerti”: pionery-geroi v sovremennoi mul'tiplikatsii [“Life After Death”: Pioneer Heroes in Modern Cartooning.]. In: *Konstruiruia detskoe: filologiiia, istoriia, antropologiiia* [Constructing the Childhood: Philology, History, and Anthropology]. Ed. by M.R. Balina, V.G. Bezrogov, S.G. Maslinskaya, K.A. Maslinskii, M.V. Tendriakova, S. Sheridan. Moscow: Azimut; Nestor-Istoriia, 2011, pp. 254–265.
- Sapozhnikova S. “Oblachnyi polk” [“The Cloud Regiment”], *Stengazeta*. 26.03.2013. Available at: <https://stengazeta.net/?p=10009073>
- Booth, Wayne C. *The rhetoric of fiction*. University of Chicago Press, 1961.
- Maslinskaya S. A Child Hero: Heroic Biographies in Children's Literature. In: *The Brill Companion to Soviet Children's Literature and Film*. Volume: 2. Ed. Olga Voronina. Leiden; Boston: Brill, 2020, pp. 250–302.